

Научная статья
УДК 343.145

doi: 10.17223/23088451/20/11

ИНСТИТУТ ДАЧИ КЛЯТВЫ (ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ) КАК МЕРА СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВДИВЫХ ПОКАЗАНИЙ

Андрей Игоревич Семеновский

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, asemenovskiy@internet.ru

Аннотация. Рассматривается уголовно-процессуальный институт дачи клятвы (присяги) религиозного и нерелигиозного характера допрашиваемых в ходе судебного допроса участников уголовного судопроизводства наряду с иными правовыми мерами стимулирования дачи правдивых показаний. Анализируются преимущества данного правового института по сравнению с иными мерами стимулирования правдивых показаний. Делается вывод о возможности введения института нерелигиозной клятвы в отечественный уголовный процесс.

Ключевые слова: дача клятвы, правдивые показания, общечеловеческие ценности, правовые меры стимулирования правдивых показаний

Для цитирования: Семеновский А.И. Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 65–69. doi: 10.17223/23088451/20/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/11

THE INSTITUTION OF OATH (SWEARING-IN) AS A MEASURE TO ENCOURAGE TRUTHFUL TESTIMONY

Andrey I. Semenovskiy

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, asemenovskiy@internet.ru

Abstract. The article considers the legal institution of oath in foreign legal systems as a measure to encourage participants in criminal proceedings to give truthful testimony during judicial interrogation. The author uses the comparative and comparative legal analysis, a survey with an inferior alternative, and doctrinal analysis to compare the institution under discussion with other incentive measures and highlight its advantages. In the first part, the author highlights the domestic views on the legal incentive measures to encourage truthful testimony and dwells on their practical effectiveness and legitimacy in relation to individual participants in the criminal process. Analysing the legal measures proposed by Russian researchers, the author emphasizes that such measures, among other challenges, violate the rights of some participants in the criminal process (suspects, the accused). He also indicates some forensic shortcomings of the proposed measures, among which is the stimulation of errors in the perception of the event under investigation. According to the author, if the institution of oath has none of the described shortcomings, it indicates its viability. The second part of the article contains a normative comparative legal analysis of the legislation of foreign countries (Islamic Republic of Iran, Georgia, Germany, and the USA) in terms of the institution under consideration. The third part contains a justification from the standpoint of the domestic legal doctrine, as well as from the standpoint of psychology (taking into account the results of a survey with the effect of an inferior alternative), the possibility of introducing the institution of oath of a non-religious nature by participants in criminal proceedings during the interrogation in the trial as a measure encouraging truthful testimony. These testimonies will be “true” not from the perspective of the subject of criminal procedural proof, but from the perspective of the interrogated person. In conclusion, the author speaks about the possibility of introducing a legal institution of a non-religious oath (swearing-in) in the Russian criminal process, at least, in the interrogation of participants in the criminal process at the stages of judicial proceedings in a criminal case.

Keywords: taking an oath, truthful testimony, universal values, legal measures to stimulate truthful testimony

For citation: Semenovskiy, A.I. (2022) The institution of oath (swearing-in) as a measure to encourage truthful testimony. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 65–69. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/11

Эффективным правовым средством стимулирования дачи правдивых показаний от участников уголовного процесса, по мнению ряда исследователей, должно стать введение в уголовно-процессуальное и уго-

ловное право специальных мер поощрения, безопасности и ответственности. Отмечается, что исследование вопроса о данных мерах находится еще в «зачаточном» состоянии [1. С. 82]. Данная статья имеет целью рас-

смотреть уголовно-процессуальный институт клятвы (во многих уголовно-процессуальных законах зарубежных стран – присяги, что, в сущности, синонимично) как правовое средство стимулирования дачи правдивых показаний участниками уголовного процесса. Чтобы достичь эту цель, изначально необходим краткий исторический обзор воззрений на меры стимулирования дачи правдивых показаний, на возможность сообщения лжи в рамках уголовно-процессуальной деятельности, на достоинства и недостатки предлагаемых мер. Необходимо сравнение предлагаемых мер с эффективностью дачи клятвы в рамках рассматриваемой темы.

Наибольшая дискуссия «о праве на ложь» идет вокруг обвиняемого. В начале XX в. в Великобритании произошло уравнивание в обязанностях в ходе допроса свидетеля и обвиняемого, для которого по Закону об уголовных доказательствах (Criminal Evidence Act, 1898) за дачу заведомо ложных показаний теперь наступала уголовная ответственность. Не оспаривая такую ответственность для свидетелей и потерпевшего, Л.Е. Владимиров рассматривал данную правку закона как чудовищный результат превращения обвиняемого в свидетеля, указывал, что дача заведомо ложных показаний является проявлением инстинкта самосохранения у обвиняемого, за что его нельзя привлекать к ответственности, а правду необходимо изыскивать иными способами [2. С. 281].

В советское время поднимается вопрос о допустимости лжи со стороны любого участника в ходе производства по уголовному делу. Я.О. Мотивиловкер указывал на недопустимость в силу противоречия с нравственностью прибегать ко лжи со стороны любого участника уголовного судопроизводства, считал недопустимым дачу ложных показаний любым из участников процесса [3. С. 18]. А.А. Закатов обращает внимание, что правдивость не может быть отменена законом в отношении любого лица в ходе уголовного судопроизводства [4. С. 44]. Отметим, на сегодняшний день уголовно-процессуальная законодательная практика некоторых стран предусматривает в ходе судебного разбирательства по делу уголовно-процессуальную обязанность всех допрашиваемых давать правдивые показания. Например, согласно ст. 153 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Исламской Республики Иран, свидетели и иные лица, обладающие сведениями о преступлении, перед допросом должны дать присягу говорить только правду [5. С. 78].

Признавая с позиций морали и нравственности недопустимость лжи, указанные исследователи отмечали нецелесообразность уголовной ответственности для обвиняемого в случае дачи им заведомо ложных показаний [3. С. 17; 4. С. 44]. Некоторые исследователи с позиций уголовно-процессуальной деятельности и криминалистики полагают, что дача заведомо ложных показаний усложняет производство по делу, требует значительных людских, психических, экономических, временных затрат на их проверку, чем обосновывают и необходимость уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний для обвиняемого (подозре-

ваемого) [6. С. 26; 7. С. 33]. Группа исследователей уголовно-правового направления, изучающая вопрос введения такой ответственности для обвиняемого (подозреваемого), отмечает, что обвиняемый (подозреваемый) не должен ее нести, так как является обязанностью следствия устанавливать действительные обстоятельства дела, обвиняемый (подозреваемый) не обязан свидетельствовать против себя, способствовать стороне обвинения путем дачи показаний против себя [8. С. 80].

Представляется, российский законодатель еще долго не пойдет по пути введения уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний для обвиняемого (подозреваемого). Косвенным тому подтверждением может быть позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», в котором Конституционный Суд РФ признает обязанность за судом, прокурором, следователем, дознавателем принимать все меры к установлению обстоятельств, подтверждающих как виновность, так и невиновность обвиняемого. С позиции Конституционного Суда РФ, независимо от производимых затрат, данные субъекты обязаны проверять все возникающие версии по делу, исследовать каждое доказательство с позиции обвинения и защиты, значит, всесторонне исследовать любые показания обвиняемого (подозреваемого). Установление уголовной ответственности вряд ли приведет к «уравниванию» положения обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего, так как в силу закона к стороне последнего отнесен аппарат предварительного расследования и прокуратуры для установления обстоятельств произошедшего, обладающий широкими полномочиями по проведению следственных и иных процессуальных действий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан; на стороне обвиняемого (подозреваемого) – защитник, частное лицо, не обладающими указанными полномочиями, как сам обвиняемый (подозреваемый), вынужденный отстаивать свою позицию через процессуального оппонента (Главы 6, 7 УПК РФ, ч. 1, 2 ст. 119 УПК РФ). Исследователи отмечают психологическое нежелание следователя (дознавателя) устанавливать оправдывающие обстоятельства лица, которого они воспринимают оппонентом [9. С. 17]. В рамках всего производства по делу, как показывают исследования, обвиняемый (подозреваемый) имеет интерес в том, чтобы не было установлено состава преступления, имеет интерес избежать поражения в правах по причине наступления уголовной ответственности [10. С. 55]. В силу чего угроза уголовного наказания за дачу заведомо ложных показаний для обвиняемого (подозреваемого), фактически совершившего преступление, может не принести надлежащего превентивного эффекта, так как лицо может быть поражено в правах, неся уголовную ответственность, в любом случае.

Анализ литературы дает основание считать обсуждение потенциального внедрения уголовной ответ-

ственности для обвиняемого (подозреваемого) актуальной проблемой правового стимулирования дачи данным участником процесса правдивых показаний, между тем, подобная мера может оказаться нецелесообразной, существенно ограничивающей право на защиту обвиняемого (подозреваемого).

Другие исследователи предлагают создание модели комплекса мер безопасности, ответственности и поощрения, которые бы способствовали даче правдивых показаний обвиняемым (подозреваемым), свидетелем, потерпевшим [1. С. 82]. Так, меры безопасности предусматривают установление специальных мер государственной охраны, обеспечивающих защиту от посягательств на законные права и интересы лица, дающего правдивые показания; меры поощрения предусматривают позитивную санкцию для лица, дающего правдивые показания (например, меры смягчения уголовной ответственности обвиняемого за дачу правдивых показаний по обстоятельствам, устанавливаемым в рамках уголовного дела); меры ответственности должны предполагать негативные санкции уголовно-правового и уголовно-процессуального характера для лица, давшего заведомо ложные показания.

Подобные рекомендации отражаются в зарубежном законодательстве, в уголовно-правовых нормах о смягчающих обстоятельствах, среди которых находится положение о способствовании процессу расследования преступлений, в частности, путем дачи правдивых показаний, а также в уголовно-процессуальных нормах, как, например, досудебные соглашения о сотрудничестве, а указание на подобные нормы становится частью тактики допроса. Следствие начинает стремиться объяснить в реальной ситуации допроса обвиняемому (подозреваемому) существо данных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных норм, указывать на преимущество применения данных норм – смягчение уголовной ответственности, акцентируя внимание на негативных последствиях отказа от дачи правдивых показаний с позиции следствия. Подобная тактика получения показаний признается эффективной в мировой практике допроса, сами подобные правовые меры действительно являются стимулом дачи и правдивых показаний [11. С. 258]. Однако практика допроса с указанием на сущность указанных норм может влечь и ошибки, заключающиеся в сознательном или бессознательном самооговоре обвиняемого в силу возникающих ложных воспоминаний, желании признать вину в менее тяжком преступлении, что может усугубляться уязвимыми особенностями личности (психические расстройства, слабый эмоциональный интеллект и др.) [12. С. 29]. Зарубежные следователи прибегают к такой тактике и в отношении свидетелей, потерпевших, разъясняя им правовое значение дачи заведомо ложных показаний, а также разъясняют позитивные последствия для общества их правдивых показаний, например, указывают на позитивную оценку со стороны окружения и общества их правдивых показаний [12. С. 29]. Указание на правдивые показания не может не вызвать вопросы, с чьей стороны эти показания оцениваются как «правдивые». То, что следствие оценивает как правдивое и на чем

настаивает при допросе лица, может оказаться объективно ложно.

Согласно исследованию, проведенному А.В. Гарусовым и С.У. Дикаевым, свидетели в последнюю очередь будут руководствоваться грозящей ответственностью за дачу ложных показаний при даче показаний, если испытывают симпатии или антипатии в сторону обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего, они будут стремиться дать показания в пользу одного из данных участников в зависимости от своих чувств [10. С. 55].

Таким образом, само по себе введение уголовной ответственности (как примера мер ответственности за заведомо ложные показания) в качестве средства стимулирования правдивых показаний не оказывает должного стимулирующего эффекта, зависит от наличия или отсутствия тех или иных чувств у участников процесса, противоречит существу правового положения обвиняемого (подозреваемого), его праву на защиту. Исследования демонстрируют эффективность наличия в праве комплексов мер поощрения за дачу правдивых показаний и ответственности за дачу заведомо ложных показаний и тактики допроса, основанной на разъяснении положений данных мер с демонстрацией контраста последствий дачи правдивых и ложных показаний, хотя подобная тактика приводит иногда к ошибкам.

Иной правовой мерой стимулирования дачи правдивых показаний, именно с позиции допрашиваемого, можно считать институт приведения допрашиваемого на судебном допросе к присяге (клятве), имеющийся в законодательстве некоторых стран. Существенно ограничивает данный институт то, что присяга (клятва) дается в ходе судебного допроса. Сравнительно-правовой анализ показывает, что данный институт можно найти в правовых системах стран практически всех правовых семей. Законодательство Исламской Республики Иран предусматривает обязанность свидетеля и иного допрашиваемого в суде по уголовному делу лица, обладающего какими-либо сведениями о расследуемом событии, сказать непосредственно перед дачей показаний клятву религиозного характера, произнесенную самостоятельно: «Я клянусь Всемогущим Богом, что показания, которые я дам, будут правдой, и я буду говорить всю правду и ничего, кроме правды» (ст. 153 УПК Исламской Республики Иран) [5. С. 78]. Законодательства Грузии и ФРГ предусматривают дачу клятвы в суде перед допросом для свидетелей религиозного или нерелигиозного характера. Вид клятвы зависит от выбора самого свидетеля, от него требуется сказать слова «Клянусь» или «Клянусь. Да хранит меня Господь» в ответ на религиозный или нерелигиозный текст клятвы, читаемые непосредственно судьей: «Поклянитесь, что вы с полным осознанием ответственности будете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды» или «Поклянитесь перед Всемогущим и Всеведущим Богом, что вы с полным осознанием ответственности будете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды» (ст. 48 УПК Грузии, ст. 59–61, 64–65, 67 УПК ФРГ) [13; 14. С. 115–118]. Подобный институт есть и в США, где также установлена уголовная ответственность за нарушение клятвы дать правдивые показания [15].

Как показывают независимые друг от друга исследования из общей психологии (выборки от 200 до 250 человек), дача нерелигиозной клятвы сразу перед сообщением некоторой информации до 90% случаев (независимо от стимула, например, экономической выгоды от сообщения лжи) пресекает сообщение заведомо ложной информации (если лицо само читает текст клятвы сообщать правдивую информацию), у религиозной клятвы данный показатель выше, кроме того, эти показатели имеют место в случае, если передающий информацию не считает, что реципиент сам лжет [16, 17]. Такой эффект возникает в силу краткосрочной эмоциональной регуляции поведения, концентрацией на общечеловеческих ценностях (среди которых – порицание лжи), на чувстве правды. В силу того, что религия регулирует сферу бессознательного личности, воздействие на психику через религиозный страх носит достаточно деструктивный характер [18. С. 112]. На наш взгляд, правовой институт религиозной клятвы недопустим.

Если принимать обозначенные выше позиции авторов, что в силу моральной обязанности участники уголовного процесса должны быть правдивыми в ходе производства по делу, введение института клятвы в российский уголовный процесс может быть приемлемым.

Автором настоящей работы проведен опрос 300 студентов юридического вуза (возраст 17–21 год) с только формируемым юридическим правосознанием, что сближает их к правосознанию «обывателя», приравнивает к «рядовому гражданину», о том, что на них больше окажет эмоциональное влияние – подписка об уголовной ответственности за дачу ложных показаний (текст: «об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний предупрежден») или текст

клятвы нерелигиозного характера («клянусь говорить только правду и ничего, кроме правды»). Лист опроса предполагал эффект неполноценной альтернативы, тексты были расположены на одной странице, и, если тексты бы имели одинаковый эффект, результат опроса разделился бы 50/50 [19]. Однако 80% опрошенных показали, что текст клятвы оказывает на них более сильное эмоциональное воздействие. В данном опросе необходимо сделать поправку на то, что опрос проведен среди отнюдь не реальных участников уголовного процесса, вне расследуемого дела.

Тем не менее допустимы следующие выводы по результатам проведенной работы. Альтернативным средством стимулирования правдивых показаний допрашиваемых лиц, во всяком случае – в ходе судебного допроса, можно рассматривать институт присяги (клятвы), в ходе которого допрашиваемое лицо самостоятельно должно приносить клятву нерелигиозного характера давать правдивые показания. С правовой точки зрения допустимость нерелигиозной клятвы может быть обоснована и тем, что каждый участник уголовного судопроизводства, как обозначалось, должен воздерживаться от лжи. С психологической точки зрения клятва сообщать правдивую (с позиции допрашиваемого) информацию имеет положительный эффект, может оказаться более действенным правовым средством в краткосрочной перспективе, стимулирующим дачу правдивых показаний в сравнении даже с уголовной ответственностью, не приводит потенциально к ошибкам в виде ложных воспоминаний, не нарушает непосредственно права на защиту обвиняемого (подозреваемого), что обеспечивает преимущество института клятвы перед иными мерами.

Список источников

1. Новиков С.А. Показания свидетелей в российском уголовном процессе: совершенствование правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 1. С. 77–83.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. СПб.: Законоведение, 1910. 391 с.
3. Мотивиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1956. 179 с.
4. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1984. 192 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс общественных и революционных судов Исламский Республики Иран / науч. ред. Н.Г. Стойко; вступ. ст. и пер. П.А. Гусейновой. СПб.: Юрид. центр, 2016. 152 с.
6. Быканов М. Лжесвидетельство – враг правосудия // Законность. 2006. № 5. С. 26–28.
7. Лоницакова А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2022. 168 с.
8. Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний? // Глаголь правосудия. 2016. № 1. С. 76–81.
9. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
10. Гарусов А.В., Дикаев С.У. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела. М.: Юрлитинформ, 2019. 152 с.
11. Reid S. Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant // Journal of police and criminal psychology. 2018. № 33. P. 257–270.
12. Loney D.M. Coercive interrogation of eyewitness can produce false accusation // Journal of police and criminal psychology. 2016. № 31. P. 29–36.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон Грузии от 09.10.2009 № 1772 // Законодательный вестник Грузии. 2009. 03 ноября. № 31. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=146> (дата обращения: 10.08.2022).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия / вступ. ст. У. Хелльманн; пер. П. Головенков. Потсдам: Изд-во Потсдамского ун-та, 2012. 405 с.
15. Motivans M. Federal justice statistics. Bureau of Justice Statistics of U.S. Department of justice, 2016. 70 p.
16. Nicolas J., Stephane L. Truth-telling under Oath // Management Science. 2019. № 65. P. 426–438.
17. Power F.C., Higgins A., Kohlberg L. Lawrence Kohlberg's approach to moral education. N.Y.: Columbia University Press, 1991. 322 p.

18. Грановская Р.М. Психология веры. СПб. : Питер, 2019. 480 с.
19. Russo J.E., Carlson K.F. Choosing an inferior alternative // *Psychological Science*. 2006. № 10. P. 899–904.

References

1. Novikov, S.A. (2013) Pokazaniya svideteley v rossiyskom ugolovnom protsesse: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya [Testimony of witnesses in the Russian criminal process: improvement of legal regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 1. pp. 77–83.
2. Vladimirov, L.E. (1910) *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [The doctrine of criminal evidence. Parts General and Special]. St. Petersburg: Zakonovedenie.
3. Motivlovker, Ya.O. (1956) *Pokazaniya i ob'yasneniya obvinяемого kak sredstvo zashchity v sovetskom ugolovnom protsesse* [Testimony and explanations of the accused as a means of defense in the Soviet criminal process]. Moscow: Gos. izd. yurid. lit.
4. Zakatov, A.A. (1984) *Lozh' i bor'ba s neyu* [Lies and struggle with it]. Volgograd: Nizhne-Volzhsk. kn. izd-vo.
5. Stoyko, N.G. (2016) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks obshchestvennykh i revolyutsionnykh sudov Islamskiy Respubliki Iran* [Code of Criminal Procedure of the Public and Revolutionary Courts of the Islamic Republic of Iran]. Translated by P.A. Guseynova. St. Petersburg: Yurid. Tsentr.
6. Bykanov, M. (2006) Lzhesvidetel'stvo – vrag pravosudiya [Perjury – the enemy of justice]. *Zakonnost'*. 5. pp. 26–28.
7. Lonshchakova, A.R. (2022) *Taktika doprosa obvinяемого po delam o nasil'stvennykh prestupleniyakh* [Tactics of interrogation of the accused in cases of violent crimes]. Moscow: Yurлитinform.
8. Smolkova, I.V. (2016) Dolzhen li obvinяаемyy nesti ugolovnuyu otvetstvennost' za dachu zavedomo lozhnykh pokazaniy? [Should the defendant be held criminally liable for knowingly giving false evidence?]. *Glagol' pravosudiya*. 1. pp. 76–81.
9. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of communicative investigative actions]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Garusov, A.V. & Dikaev, S.U. (2019) *Otsenka pokazaniy uchastnikov ugolvnogo sudoproizvodstva, zainteresovannykh v iskhode dela* [Evaluation of the testimony of participants in criminal proceedings interested in the outcome of the case]. Moscow: Yurлитinform.
11. Reid, S. (2018) Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 33. pp. 257–270.
12. Loney, D.M. (2016) Coercive interrogation of eyewitness can produce false accusation. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 31. pp. 29–36.
13. Georgia. (2009) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Gruzii: zakon Gruzii ot 09.10.2009 № 1772 [Code of Criminal Procedure of Georgia: Law No. 1772 of Georgia dated 09.10.2009]. *Zakonodatel'nyy vestnik Gruzii*. 3rd November. [Online] Available from: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=146> (Accessed: 10.08.2022).
14. Germany. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya* [Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany]. Potsdam: Potsdam University.
15. Motivans, M. (2016) *Federal Justice Statistics. Bureau of Justice Statistics of U.S. Department of Justice*.
16. Jacquemet, N., Luchini, S., Rosaz, J. & Shogren, J.F. (2019) Truth-telling under Oath. *Management Science*. 65. pp. 426–438.
17. Power, F.C., Higgins, A. & Kohlberg, L. (1991) *Lawrence Kohlberg's approach to moral education*. New York: Columbia University Press.
18. Granovskaya, R.M. (2019) *Psikhologiya very* [Psychology of Faith]. St. Petersburg: Piter.
19. Russo, J.E. & Carlson, K.F. (2006) Choosing an inferior alternative. *Psychological Science*. 10. pp. 899–904.

Информация об авторе:

Семеновский А.И. – аспирант Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: asemenovskiy@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Semenovskiy, postgraduate student of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: asemenovskiy@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.